

П. И. Чайковский

(К столетию со дня рождения)

Пётр Ильич Чайковский родился 7 мая 1840 года в городе Воткинске, на Урале, в семье горного инженера, начальника казенного металлургического завода. И высококультурная семья, и окружающая обстановка старинного уральского городка дали юному Чайковскому множество музыкальных впечатлений. «Я с детства проникся неизъяснимой красотой... русской народной музыки», — вспоминал он позднее.

Родные хотели воспитать из него государственного чиновника и отдали его в Петербургское училище правоведения. Музыка и здесь продолжала быть его любимейшим развлечением, отдыхом от казенных юридических премудростей. 10 лет, проведенные в мертвящей обстановке этого учебного заведения, не убили в нем любви к искусству. Лишь окончив училище и полностью разочаровавшись в чиновничьей карьере, Чайковский твердо решает избрать для себя поприще музыканта-профессионала. Это решение было своеобразным вызовом дворянским традициям, презиравшим мещанскую профессию музыканта.

Так называемый «Московский период» в жизни Чайковского (1866—1877) — это годы, насыщенные опромным творческим трудом, упорными поисками собственного музыкального стиля, мучительным преодолением трудностей и препятствий, годы жестокой нужды и оскорбительной травли со стороны столичной критики.

Годы «Московского периода» — путь композитора от первых робких творческих опытов к прекрасной художественной зрелости.

В сочинениях, завершающих этот «Московский период», — опере «Евгений Онегин» (1878), ставшей любимейшей русской оперой, и трагической Четвертой сим-

фонии (1877), трактующей идею столкновения человека с судьбой, — перед нами вполне сложившийся мастер, сочетающий в своей музыке живое воплощение русской бытовой музыкальной речи с глубоким усвоением лучших традиций мирового музыкального искусства.

«Московский период» заканчивается острым душевным кризисом, вызванным тяжёлыми жизненными условиями, нервным переутомлением и большими личными невзгодами.

Разочарованный в друзьях, проклявший «произвол» и «самоуправство» окружающей его действительности, Чайковский пытается найти успокоение в бесконечных скитаниях. Мы встречаем его то в Швейцарии, то на Украине, то во Флоренции, то в Тифлисе.

«Годы скитаний» создают Чайковскому общеевропейскую славу. Он пишет новые оперы («Орлеанская дева», «Мазепа»), три симфонические сюиты, романсы, фортепианные пьесы. Он успешно руководит постановкой своих опер в России и за границей. Но новый и последний расцвет творческого гения Чайковского начинается с его окончательным возвращением в Россию (годы 1885—1893). Композитор поселяется вдали от столичного шума в окрестностях Клина, под Москвой. В последние годы жизни он создает свои величайшие шедевры: симфонию «Манфред» (1885), Пятую симфонию (1888), оперу «Никова дама», балет «Щелкунчик» (1892) и, наконец, Шестую («Патетическую») симфонию, оказавшуюся его лебединой песнью. Через несколько дней после первого исполнения Шестой симфонии — этого сильнейшего в мировой музыке воплощения человеческой скорби

— Чайковский неожиданно скончался.

Чайковский искренне любил свой народ, свою родину, национальное искусство русского народа. «Я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях», — писал он в одном из писем. Слушая песни русских крестьян во время прогулки на Воробьевых горах, запоминая унылые напевы украинских лириков-слепцов, вслушиваясь в разнообразнейшие звучания современного ему народного музыкального быта, Чайковский обогащал свой мелодический язык, делая его чрезвычайно гибким и доступным каждому. Известно, что Л. Н. Толстой, прослушав медленную часть из Первого струнного квартета Чайковского, громко разрыдался; эта задуманная русская мелодия представляла собой высокохудожественное развитие простой народной песни.

Не ограничиваясь использованием старинной крестьянской русской песни, Чайковский претворил в своей музыке и напевы современного ему города — вплоть до цыганского романса и уличной песни.

Глубокая содержательность — вот первое требование, предъявляемое самим композитором к своему искусству. Его симфонии, подобно симфониям Бетховена, поражают слушателей единством звукового материала и органичностью формы.

С особым интересом и строжайшей ответственностью относился Чайковский к своему оперному творчеству. Он понимал, что опера — самый массовый, широко популярный вид музыкального творчества. «Опера имеет то преимущество, — писал он, — что дает возможность говорить музыкальным языком массе». В области оперной музыки Чайковский проявил себя, как художник-реалист, стремящийся к правдивому воплощению в музыке «настоящих живых людей». Нагромождение внешних эффектов, помпезность постановок, далекие от современности нерелевантные сюжеты мало привлекали его.

Лучшими из 10 опер Чайковского оказались именно те, в которых изображались реальные русские люди, обобщенные образы русской действительности XIX столетия. Не случайно сюжеты трех наиболее удачных его опер — «Евгений Онегин», «Мазепа», «Никова дамы» — принадлежат глубочайшему знатоку русской жизни и зачинателю русского реалистического искусства — А. С. Пушкину.

Нет такой области музыки, в которую Чайковский не сделал бы ценного вклада. Он — блестящий мастер балета, украсивший мировую балетную сцену тремя подлинно классическими произведениями («Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик»). Он — интимнейший лирик, создавший свыше 100 популярных романсов и песен; он — автор фортепианных концертов и пьес, хоров, струнных квартетов.

Несмотря на прочные связи с мировой музыкальной культурой, музыка Чайковского всегда самобытна, всегда узнается с первых же тактов.

Великий русский композитор Чайковский, с горечью испытывавший на себе наскоки и брань дворянской критики, мечтал о том времени, когда его музыка будет признана народом. «Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящихся в ней утешение и подпору».

Это время наступило. Миллионы советских людей, посещающих оперу и концерты, слушающих радио, участвующих в художественной самодеятельности, искренне любят прекрасную музыку Чайковского. О такой всенародной славе не мог бы и мечтать ни один композитор прошлого. Широко отмечаемое столетие со дня рождения великого русского музыканта превратилось в грандиозное торжество всей советской страны.

И. НЕСТЬЕВ.